

Р.С. Получил уведомление от журнала "Молодая Гвардия". Кстати зовут меня Вольга Константинович.

Узнав имя Комлева — Вольга, я очень удивилась; повеяло чем-то древнерусским, былинным.

В письме Комлев обещает прислать мне листы автографа Бабеля, упоминает даже о своих душеприказчиках, которым он дает поручение.

Его обещание казалось твердым, но проходило время, месяц за месяцем, а бандероль не приходила, и я написала ему снова, повторив все ту же просьбу.

В январе 1979 года получила от Комлева второе письмо, и снова из больницы.

Не буду приводить это письмо полностью, так как оно в основном об его операции желчного пузыря и разных других болезнях. В нем снова обещание прислать мне автограф Бабеля или дать распоряжение своим душеприказчикам.

Это письмо было последним, полученным от В.К. Комлева. На другие мои письма он не ответил и листы автографа так и не прислал.

Рассказ "Кольцо Эсфири", безусловно, написан И.Э. Бабелем, хотя я и не отношу его к лучшим рассказам.

Тема базара, барахолки, всегда была излюбленной темой при устных рассказах Бабеля в кругу друзей. Мне он говорил:

— Лицо города или села — его базар. По базару, по тому, чем и как на нем торгуют, я всегда могу понять, что это за город, что за люди, каков их характер. Очень люблю базары, и куда бы я ни приехал, я всегда, прежде всего, отправляюсь на базар.

Авторство Бабеля подтверждается еще и тем, что рассказ "Кольцо Эсфири" отличается краткостью изложения, написан от первого лица, а также одесской особенностью разговора, так хорошо знакомой Бабелю.

Включить этот рассказ в состав двухтомника, которым я в те годы занима-

лась, и который был опубликован в 1990 году, было совершенно невозможно. Издательство "Художественная литература" требовало, чтобы все, входящее в двухтомник, было прежде опубликовано в журналах, но ни один журнал не согласился бы взять рассказ без автографа.

Так и остался рассказ "Кольцо Эсфири" лежать в архиве Бабеля и пролежал там более 20 лет, пока его не согласился, причем охотно, напечатать Нью-йоркский журнал Слово/Word, в издательстве которого была опубликована книга моих воспоминаний о Бабеле.

Антонина ПИРОЖКОВА

Исаак БАБЕЛЬ

Кольцо Эсфири

Рассказ

Я бродил по барахолке и прислушивался к ее немалым запахам и звукам. Разве может что-нибудь сравниться с одесской барахолкой! Плыл я среди потной и галдящей толпы, терся о сарафаны, сюртуки, лапсердаки, спины и более существенные ценности, как кефаль во время нереста. Я плыл и время от времени нюхал пунцовый цветок, который был у меня в правой руке. Надо же было девать куда-то свой нос. Обширная тетка, которую тут все называли Стеллой, появилась передо мной внезапно. А чему здесь удивляться. Все в мире появляется внезапно. Потому что до того, как появиться, этого-то не было. Не было... а потом вдруг стало. Как все в мире запутано...

Стелла действительно была звездой... лет сорок назад. Хотя и сейчас небесными огнями мерцали ее прекрасные библейские глаза. Глаза, которые, казалось, навечно были созданы для любви и слез, для вопросов, после которых никогда не ждут ответа.

— Что молодой человек имеет предъявить?

— Ничего, — просто ответил я.

— Таки ничего? — продолжала Стелла, и морщины на ее лбу ехидно изогнулись.

— Ничего, — опять сказал я и сунул нос в пунцовый цветок.

Стелла посмотрела на меня, как акушерка на младенца, который изволил явиться на свет божий только через десять месяцев.

Спустя несколько минут Стелла опять появилась передо мной.

— Я поняла, молодой человек, — она делала попытку общаться со мной так, чтобы об этом не слышали на Дерibasовской.

— Я поняла. Вы имеете японские противозачаточные средства. Фир[ма Ку]росава. Поставщик двора мик[адо]. Гарантия сто процентов. Филиалы в Париже, Лондоне и Жмеринке. Но я должна предупредить молодого человека, что этот медикамент сейчас в массы не пойдет. Сейчас массы ни к кому не имеют доверия. Но если молодой человек...

Она заговорила, как хорошо отлаженный механизм, надежный, как тормоз Вестингауза.

— ...хочет реализовать товар? Я имею хороший покупатель Фима Сотник. Нет, нет. Фима не казак. Он сам не любит казаков. Ефим Григорьевич почетный гинеколог города Одессы с девятьсот четы[рнадцатого] года. Кабинеты на Пересыпи и Молдаванке. Очень образованный специалист. В девятьсот десятом году он даже кончил комерч[еское учи]лище в Бендерах...

Стелла говорила без пауз, и я никак не мог изловчиться и просунуть свое слово в ее речь, в которой не было никаких слышимых трещин. Я просто стоял и нюхал пунцовое растение, которое было у меня в правой руке.

Стелла все говорила, говорила, говорила... И вот тогда, в девятнадцатом, на одесской барахолке передо мной открылся истинный, глубинный смысл этого невероятно страшного слова — бесконечность.

— Что, вправду молодой человек ничего не имеет продать? — вдруг остановилась Стелла. — Так зачем молодой человек напустил на себя тайны мадридского двора? Зачем нюхать цветочки на обществе? Здесь что? Таврический сад? Или, может быть, Приморский бульвар? Так зачем же молодой человек отвлекает людей от работы? Жизнь и так коротка, а надо успеть еще заработать на кусок хлеба.

Она замолчала, отвернулась от меня и тихо пошла, прижимая к необъятному бедру плетеную кошелку, набитую какими-то жалкими тряпками.

И вот здесь что-то произошло. Мне показалось, что в это мгновение погасли все доменные печ[и Ев]ропы, что все металлопрокатывающие за-

воды мира остановились на капи[тальный ре]монт и вот-вот начнется солнечное затмение. Организм мой неистово всасывал через все поры вдруг наступивший мрак и холод.

— Стелла! — заорал я, перекрывая звериным рыком наступившую тишину. — Стелла! Стелла!

Старуха медленно и безразлично обернулась.

— Стелла, сувенирчик небольшой имеется, — почти кокетливо сказал я и протянул ей небольшое плоское колечко.

— Ха! Молодому человеку так же хочется кушать! — она рассматривала кольцо, перебирая его пальцами, как заводную головку карманных часов. И вдруг вскинула голову, и в глазах ее было не любопытство, не испуг, а ужас.

— Что такое! Где вы взяли эту вещь? Это кольцо моей Фиры! Вот ее буквы: Э. Р., Эсфирь Розенблом. Где моя Фира? Что вы сделали с моей Фирой? — кричала Стелла.

Она кричала, а я силился что-нибудь сказать. И не мог. Толпа окружила нас и улюлюкала, призывая к активным действиям. А мы были как бык и тореадор на арене цирка. И толпе нужна была моя кровь. Она жаждала крови.

— Так, значит, вы — Стелла Осиповна? — наконец-то выдал мой язык. — Ведь я же муж вашей Фирочки. Ваша Фирочка уже давно моя жена. И она уже давно не Розенблом, а Иванова-Ляндерс. Эсфирь Иванова-Ляндерс, а я ее муж Яков Григорьевич Иванов-Ляндерс...

Мой язык говорил еще что-то. Что, я не знаю. Мы были по отдельности, мой язык и я. Я только видел усталую улыбку на лице Стеллы, и слезы, горошинками скатывающимися по ее крутым щекам.

— Так это вы — Яша? Фирочка писала нам, что взяла за себя какого-то очкастого сочинителя. Но мы не думали, что вы, молодой человек, такой тощий. Яша, слушай сюда. Я бы тебя обняла сейчас, но у меня кошелка с галантереей. Обними ты меня, Яша, сыночек, и пойдем скорее домой, разговоров за коммерцию сегодня больше не будет.

Через полчаса мы сидели в прохладной комнатухе с земляным полом. Я поглощал баклажаны, помидоры, фаршированную рыбу и запивал эту царскую снедь красным терпким зайбером. Стелла сидела напротив и печально смотрела на меня и время от времени вновь наполняла тарелки.

— Яша, — сказала Стелла, когда я сделал перерыв в пиршестве, — скажите же что-нибудь за Фирочку, что она делает, мы так давно ничего от нее не имеем.

НАШИ

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

— О, Фира сейчас в Киеве, на Прорезной. Там наша квартира. Знаете, Стелла Осиповна, Киев недавно освободила красная конница и там сейчас свобода. Правда, кроме свободы и селедочного супа там ничего больше нет. Но большевики деловые люди, они скоро все очень хорошо наладят.

— Ну, а что вы приехали в Одессу, Яша? Здесь нехорошо. Вчера белые фотографа Михельсона повесили за агитацию. Он по пляжу в красных трусах ходил.

— Нет у меня красных трусов, Стелла Осиповна, — сострил я. — Что ж мне бояться? А из Киева я уехал временно. Тяжело там сейчас работать. Писал я стихи. Платили мне воблой. Штука за строчку. Нет, думаю, так и помереть недолго. Стал писать поэмы, как Э[дик Ба]грицкий, по пятьсот [стро]к. Редактор мне говорит, что с такими стихами мне надо в Астрахань ехать. Может, там из Каспийского моря и будут такие бешеные гонораны платить. А здесь, в Киеве, нет столько воблы... Вот я и приехал...

— Яшенька, ну расскажи подробнее за нашу Фиру, — с какой-то тоской произнесла Стелла.

Я подошел к ней, положил руку на плечо, обтянутое выцветшим измятым сатинетом, и тихо сказал:

— Мама... мама... не осталось нашей Фиры. Погибла наша Фира. Слушай, мама. Моя любимая жена, товарищ и друг, комиссар особого отряда Киевской губчека Эсфирь Иванова-Ляндерс погибла героической смертью в бою с врагами революции... А кольцо — это все, что мне осталось в память о ней.

Стелла встала с табуретки. Она вскинула вверх руки, закинула назад голову и закричала. Так страшно женщина может кричать только тогда, когда у нее навсегда отнимают любимое порождение ее чрева.

Распахнув дверь, я вышел на пыльную дорогу одесской окраины. Пускай Стелла поплачет, ей нужно плакать, много... плакать. А мне еще предстоит рассчитаться за смерть Эсфири. И не стихами...

1923-1925 г. Одесса.

Татьяна ЦУРОВА

"...Душа богатых песен,

что в тоске и горести поют..."280
